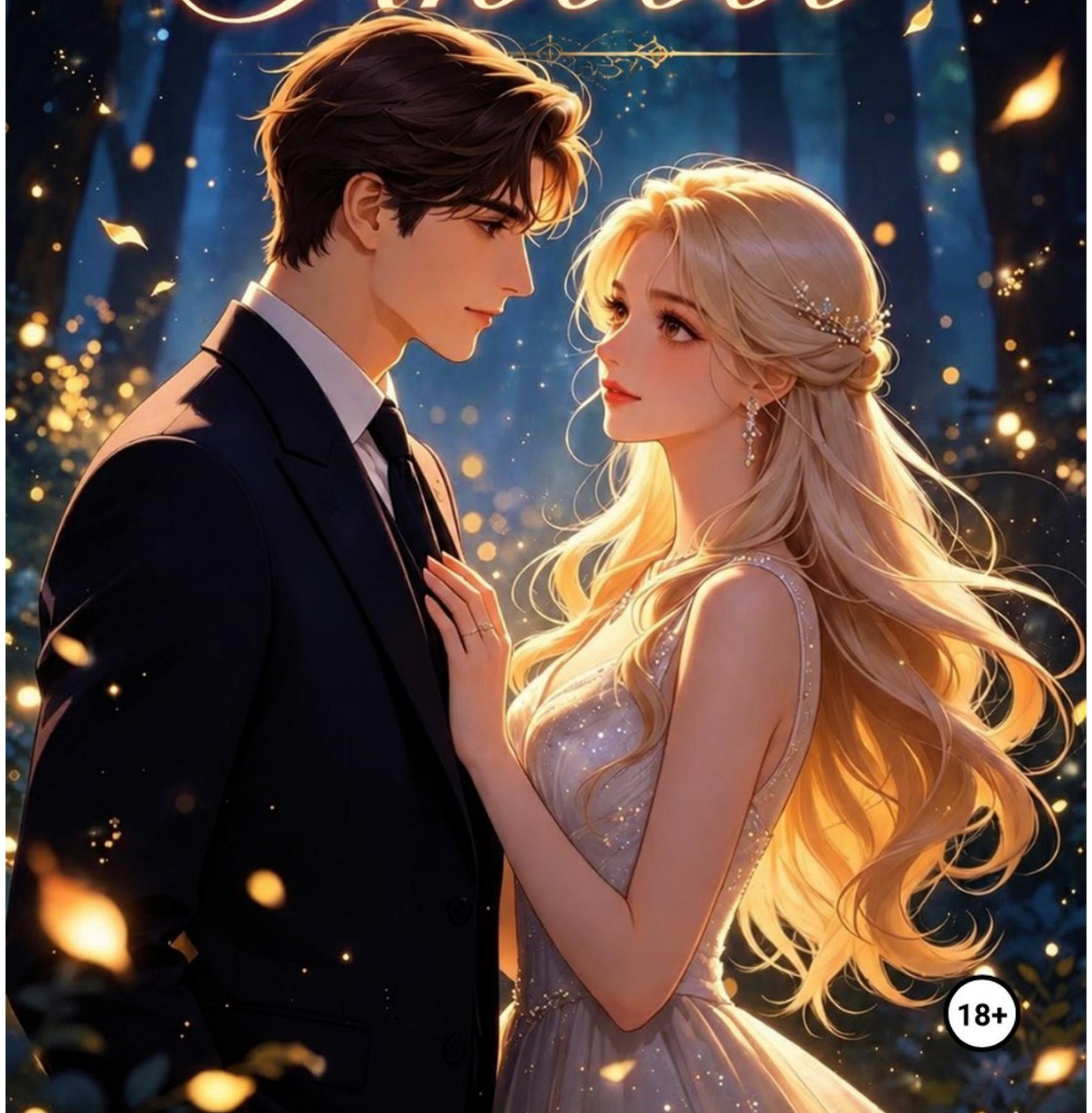

КОНТРАКТ НА Любовь

18+

Ракушка .

Контракт на Любовь

«Автор»

2026

.Р.

Контракт на Любовь / Р. . — «Автор», 2026

Она проснулась в теле девушки, которая была замужем по контракту за одного из самых богатых и холодных людей города. Оригинальная хозяйка этого тела была без памяти влюблена в мужа и мечтала остаться с ним навсегда. А новая Алина хочет совершенно другого: дождаться конца договора, получить обещанные деньги и как можно скорее подать на развод, чтобы начать свободную жизнь. Дмитрий Воронов всегда считал жену тихой, скучной и покорной. Он с нетерпением ждал, когда истечёт срок их брака, чтобы навсегда забыть об этом формальном союзе. Но однажды всё изменилось: Алина стала дерзкой, прямой и совершенно непредсказуемой. А главное — он вдруг начал слышать её мысли. И эти мысли были совсем не такими, как он ожидал

Содержание

Глава 1. Новая жизнь в чужом теле.	5
Глава 2. Ужин, который пошёл не по плану.	10
Глава 3. Неожиданные пересечения.	15
Глава 4. Неожиданные гости.	20
Глава 5. Воспоминания.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ракушка .

Контракт на Любовь

Глава 1. Новая жизнь в чужом теле.

Я открыла глаза и сразу почувствовала, что что-то не так. Потолок был высоким, отделанным тонкой лепниной, стены оклеены дорогими обоями мягкого бежевого оттенка, а вокруг стояла мебель из тёмного дерева — массивная, солидная, с резными узорами, совершенно не похожая на то, что окружало меня ещё вчера. В моей прошлой жизни была маленькая съёмная квартира, простая мебель, книги на полках и окно, выходящее на шумный проспект. А здесь воздух был какой-то слишком чистый, тихий, пропитанный лёгким ароматом цветов, и тишина стояла такая, что было слышно, как тикают часы на камине.

Попытка сесть вызвала лёгкое головокружение, перед глазами на мгновение поплыли тёмные круги, но я быстро взяла себя в руки. Когда я взглянула на свои руки, лежащие на покрывале, сердце забилося чаще. Это были не мои руки — тонкие, с длинными пальцами, аккуратным маникюром, без единой царапины или мозоли, которые всегда были у меня от работы и повседневных дел. А на безымянном пальце правой руки блестело тяжёлое золотое кольцо с крупным бриллиантом, которое сверкало так ярко, что резало глаза.

«Где я? Что происходит? Как я сюда попала?» — пронеслось в голове целым вихрем вопросов, и вдруг всё смешалось. В моё сознание хлынули воспоминания — не мои, но теперь ставшие частью меня, яркие, чёткие, как будто я сама их пережила. Я узнала, что теперь меня зовут Алина Воронова, дочь когда-то очень богатого, а теперь обанкротившегося бизнесмена. Полгода назад её отец заключил сделку с Дмитрием Вороновым — генеральным директором огромной корпорации, одним из самых влиятельных и богатых людей в городе. Условие было одно: брачный контракт на три года. В обмен Дмитрий покрыл все долги семьи Алины, спас их от разорения и позора.

И вот тут я поняла самое важное, что объясняло всё её прошлое поведение: оригинальная Алина была без памяти влюблена в Дмитрия ещё до свадьбы. Она согласилась на контракт не из-за денег, а только потому, что это был единственный способ быть рядом с ним. Она надеялась, что за три года он заметит её, оценит, полюбит в ответ, и после окончания срока они не расстанутся, а будут жить как настоящая семья. Она боялась развода больше всего на свете, избегала любых разговоров о завершении контракта, старалась угодить ему во всём, всегда была рядом, когда он позволял, и страдала от его холодности, но не переставала надеяться.

А он Для него этот брак был только формальностью, частью деловой сделки. Он жил в своём мире — работе, встречах, важных переговорах, а Алина была лишь приложением к договору, женой по документам, которую нужно было иногда брать на официальные мероприятия, чтобы соблюсти приличия. Они жили в огромном трёхэтажном доме, но в разных крылах, почти не встречались, кроме как за столом или на приёмах. Он всегда был сдержан, холоден, разговаривал с ней только по делу, никогда не проявлял ни малейшего интереса к её мыслям, чувствам или желаниям. И она терпела всё, ждала, надеялась, молчала, боясь сделать что-то не так и оттолкнуть его ещё сильнее.

А теперь в её теле оказалась я — совершенно другая женщина, которая не знала любви к этому человеку, не имела никаких надежд, не боялась развода и больше всего на свете ценила свободу. Для меня этот контракт был просто работой, обязательством, которое нужно выполнить, чтобы получить обещанную сумму денег — и после этого начать жить так, как я хочу. Никаких чувств, никаких иллюзий, только чёткий план.

Дверь в комнату тихо открылась, и вошла женщина в строгой тёмной униформе — домработница, которую я узнала по воспоминаниям. Её звали Мария, она работала здесь давно, относилась ко всему с холодной точностью и никогда не выражала лишних эмоций.

— Госпожа Алина, вы просили разбудить вас в семь часов, — произнесла она ровным, бесцветным голосом, останавливаясь у кровати. — Завтрак уже накрыт в столовой. Господин Воронов уже спустился и ждёт.

Я кивнула, стараясь не показать ни удивления, ни волнения.
— Спасибо, Мария. Я сейчас спущусь.

Когда женщина вышла, я медленно встала с кровати и подошла к большому зеркалу в резной раме, стоявшему у стены. На меня смотрела молодая женщина лет двадцати трёх — двадцати четырёх, с длинными светлыми волосами, спадающими на плечи, большими карими глазами, правильными, мягкими чертами лица и тонкой фигурой. Это была Алина — та, что любила и надеялась, а теперь это была я. Только взгляд из зеркала был другим: не мягким, не робким и не полным тихой грусти, а спокойным, уверенным и немного насмешливым.

Я провела рукой по волосам, поправила воротник пижамы и подумала: «Ну что же, теперь это моя жизнь. Осталось меньше месяца до конца контракта. Потом я получу свои деньги, уеду и начну всё заново. А этот холодный, высокомерный человек останется только в воспоминаниях, которые даже не мои».

Я открыла большой шкаф, заполненный дорогими, элегантными платьями, костюмами, блузками — всё идеально подобрано, модно, но слишком строго и официально для меня. Выбрала простое светлое платье без лишних украшений, привела себя в порядок, умылась, причесалась и медленно пошла вниз по широкой лестнице с перилами из тёмного дерева.

Дом был огромным, коридоры длинные, с высокими окнами, через которые лился утренний свет. В воздухе стояла тишина, нарушаемая только моими шагами. Я шла и вспоминала, как раньше Алина ходила по этим коридорам — тихо, стараясь не шуметь, всегда надеясь случайно встретить Дмитрия, боясь пропустить возможность хотя бы на минуту оказаться рядом с ним. А я шла спокойно, уверенно, не желая никаких встреч, понимая, что они ничего мне не дадут, кроме лишних разговоров.

Столовая была такой же большой и богатой, как и всё в этом доме. Длинный стол из светлого дерева, вокруг него стулья с высокими спинками, в центре ваза со свежими цветами. В дальнем конце стола сидел мужчина. Даже со спины было видно, что он высокий, крепкий, широкоплечий. На нём был строгий тёмный костюм, идеально сидящий на фигуре, тёмные волосы зачёсаны назад, ни одного лишнего волоска. Он держал в руках тонкий планшет и внимательно читал что-то на экране, не обращая внимания на то, что происходит вокруг.

Это был Дмитрий Воронов. Человек, которого любила прежняя владелица этого тела, и который был для меня просто незнакомцем, с которым меня связывал только кусок бумаги с подписями.

Я подошла к столу, села на противоположном конце — так, чтобы расстояние между нами было как можно больше — и только тогда он поднял голову. Его глаза были тёмными, глубокими, взгляд острым, пронизательным, но совершенно холодным, безучастным. Он посмотрел на меня, как смотрят на предмет мебели или на рабочий документ — с пониманием, что это нужно, но без малейшего интереса.

— Доброе утро, — сказал он коротко, откладывая планшет в сторону. Голос был низкий, спокойный, с твёрдыми нотками.

— Доброе утро, — ответила я так же спокойно, беря в руки вилку.

Он налил себе кофе, сделал глоток и продолжил, как будто продолжал разговор, начатый несколько часов назад:

— Сегодня вечером приезжают партнёры из Франции. Очень важные люди, от этой сделки зависит развитие нашей компании на европейском рынке. Ты должна быть на ужине. Надень синее платье, которое привезли на прошлой неделе, веди себя как обычно: улыбайся, не задавай лишних вопросов, не вступай в долгие разговоры, будь вежливой и сдержанной. Как всегда.

Раньше Алина на его слова только кивала, тихо говорила «хорошо» или «да, Дмитрий», боясь даже подумать о том, чтобы возразить или спросить о чём-то своём. Она радовалась даже таким коротким указаниям, потому что это значило, что он обращает на неё внимание, пусть и в такой форме. Она боялась, что если будет вести себя не так, как он хочет, он перестанет вообще её замечать.

Но я — не она. Я положила вилку на край тарелки, откинулась на спинку стула и посмотрела ему прямо в глаза — открыто, спокойно, без тени робости или страха.

— Хорошо, я буду на ужине, как ты просишь. Но только запомни раз и навсегда: до конца нашего контракта осталось двадцать семь дней. Ровно двадцать семь дней, и я больше не буду участвовать в твоих встречах, обедах, приёмах и любых других мероприятиях. Как только срок закончится — я сразу же подам на развод, подпишу все нужные документы и уйду. И никаких продолжений, никаких отсрочек, никаких новых условий. Мне нужны только деньги, которые прописаны в договоре, и полная свобода.

Дмитрий замер. Его рука, которая держала чашку с кофе, остановилась на полпути к рту. Брови медленно поднялись вверх, а в глазах появилось искреннее удивление — такое сильное, что он даже не сразу нашёлся, что ответить. За всё время их брака он никогда не слышал от неё ничего подобного. Всегда она была тихой, покорной, всегда старалась угодить, всегда боялась даже намекнуть на развод, а часто и вовсе меняла тему, когда речь заходила о завершении контракта. Он привык, что она готова на всё, только бы остаться рядом с ним. А теперь Теперь она говорит, что с нетерпением ждёт конца, что хочет развода, что ей нужны только деньги и свобода?

Он медленно поставил чашку на стол, наклонился немного вперёд и посмотрел на меня внимательнее, но в этом взгляде всё ещё не было никакого интереса — только раздражение и недоумение, как будто он столкнулся с какой-то непонятной, ненужной проблемой.

— Что за глупости ты говоришь? — спросил он, и в голосе прозвучало явное недовольство. — Раньше ты только и делала, что намекала, что хочешь, чтобы всё осталось как есть, что тебя всё устраивает, что ты не хочешь ничего менять. А теперь вдруг решила, что хочешь уйти? Что с тобой происходит, Алина? Ты пытаешься играть в какую-то игру? Думаешь, если будешь говорить о разводе, я начну тебя уговаривать остаться?

Он говорил уверенно, потому что был убеждён: она любит, она не уйдёт, это просто очередная женская прихоть, попытка привлечь внимание. И это было правдой для прежней Алины. Но не для меня.

— Никаких игр, Дмитрий, — ответила я ровным голосом, не отводя взгляда. — Я просто поняла, что наш брак — это только договор, и ничего больше. Я выполнила все свои условия: жила здесь, появлялась на мероприятиях, вела себя так, как требовалось. Ты выполнил свои: помог моей семье. Теперь всё подходит к концу, и я хочу только одного — закончить всё по правилам и разойтись каждый своей дорогой. Не переживай, я не прошу ничего лишнего, только то, что прописано на бумаге. И больше мы не будем иметь друг к другу никаких претензий.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд, пытаясь понять, что изменилось, но не находил объяснения. Для него я оставалась всё той же Алиной — только теперь вдруг странной, непонятной, говорящей вещи, которые он никогда не ожидал услышать. Раздражение росло, но он не хотел показывать, что это вообще его волнует. Для него она была всего лишь временным обстоятельством, от которого он с радостью избавится через двадцать семь дней.

— Делай как знаешь, — сказал он холодно, отводя глаза и снова беря свой планшет. — Если это твоё решение — хорошо. Я подготовлю все документы сразу после окончания срока. Никто тебя не держит.

Он произнёс это так, как будто говорил о чём-то совершенно неважном, как о том, что завтра может пойти дождь. Для него это было только облегчение: наконец-то закончится эта формальность, и он вернётся к своей обычной жизни, где не будет лишних разговоров и непонятных перемен.

Он быстро закончил завтрак, встал из-за стола и направился к выходу из столовой. Проходя мимо меня, он даже не замедлил шага, не посмотрел в мою сторону — просто прошёл мимо, как мимо пустого места.

И в этот момент, когда он был всего в двух шагах от меня, я подумала, не сдержав лёгкой досады: *«Ну и зануда же он! И как только можно быть таким холодным, высокомерным и скучным человеком? Раньше она действительно была сумасшедшей, если любила его. Скорее бы эти двадцать семь дней закончились, и я больше никогда не увижу это надменное лицо!»*

Дмитрий вдруг резко остановился. Он замер на месте, как будто натолкнулся на невидимую стену. Его брови снова сдвинулись, а на лице появилось выражение крайнего недоумения. Он отчётливо услышал голос — очень ясный, звонкий, полный досады и иронии, который

прозвучал прямо у него в голове, так близко, как будто кто-то прошептал эти слова ему на ухо. Но рядом никого не было. Только я сидела за столом, спокойно глядя в свою тарелку, не произнося ни единого звука, не двигая губами.

Он медленно повернул голову и посмотрел на меня. Взгляд его был растерянным, он не понимал, что происходит. Голос был такой настоящий, такой чёткий — и он был уверен, что эти слова принадлежат мне. Но как? Я же молчала.

Он постоял ещё несколько секунд, глядя на меня, пытаясь найти объяснение, но в голову не приходило ничего, кроме того, что он устал, что работает слишком много, что последняя сделка отняла слишком много сил, и теперь у него просто шумит в ушах или появляются странные слуховые галлюцинации.

«Чепуха, — подумал он про себя, отворачиваясь. — Просто усталость. Нужно больше отдыхать. А эта женщина что с ней происходит — не моё дело. Через месяц её здесь не будет, и всё вернётся на свои места».

Он быстро пошёл дальше, вышел из столовой и направился к выходу из дома — его ждала машина и рабочий день. И как только он оказался за дверями, в другом конце коридора, странный голос в его голове сразу исчез, как будто его и не было. Дмитрий не придал этому значения, не стал разбираться — просто списал на усталость и продолжил думать о делах, а не о своей жене, которая для него всё ещё оставалась лишь временным, не очень приятным, но необходимым обстоятельством.

А я осталась сидеть за столом, чувствуя лёгкое удовлетворение. Я сказала всё, что хотела, обозначила свою позицию, дала понять, что больше не буду играть по старым правилам. Двадцать семь дней — это немного. Я смогу выдержать. А потом — свобода. Настоящая, полная свобода, о которой прежняя Алина не могла и мечтать, а для меня это была главная цель.

Я взяла чашку с чаем, сделала глоток и подумала, что всё идёт именно так, как нужно. И пусть он остаётся со своим высокомерием, холодом и непониманием — мне это совершенно не важно. Главное — дождаться конца контракта и уйти.

Глава 2. Ужин, который пошёл не по плану.

Весь день после завтрака я провела в своей части дома, наслаждаясь тишиной и возможностью остаться наедине с собой. Дом был огромным, и если не выходить за пределы своего крыла, можно было вообще не встречаться с Дмитрием — что меня более чем устраивало. Оригинальная Алина, вспомнила я, проводила дни иначе: она часто бродила по коридорам, выглядывала из окон, прислушивалась к шагам, надеясь, что он пройдёт мимо, случайно заметит её, хотя бы спросит о чём-то простом. Она сидела в гостиной с книгой, но не читала, а только смотрела на дверь, ожидая его появления. Она готовила его любимые блюда, просила Марию подать их именно тогда, когда он обычно обедал, лишь бы иметь повод оказаться рядом. А я я просто сидела у окна, пила чай и думала о том, как быстро пролетят эти двадцать семь дней.

Воспоминания прежней владелицы тела всплывали сами собой, и каждый раз я удивлялась её терпению и силе чувств. Любить человека, который видит в тебе только условие контракта, который не замечает твоих стараний, не интересуется твоими чувствами, который разговаривает с тобой только по делу и всегда холодно — это казалось мне чем-то невозможным. Но она любила. Любила искренне, преданно, надеясь на чудо. И боялась развода до дрожи в коленях, потому что для неё развод означал потерю всего: и возможности быть рядом с ним, и той маленькой иллюзии семьи, которая у неё была.

А для меня развод был целью, свободой, началом новой жизни. Никаких иллюзий, никаких надежд, только чёткий расчёт. И это было моё главное преимущество — я не была уязвима там, где она была беззащитна.

Около четырёх часов дня в комнату снова вошла Мария, неся в руках длинное синее платье из тонкой шёлковой ткани, расшитое мелкими серебряными нитями по воротнику и подолу. То самое, о котором говорил Дмитрий за завтраком.

— Господин Воронов передал, чтобы вы надели именно это, — произнесла она всё тем же ровным, бесцветным голосом, разглаживая ткань на кровати. — Также нужно сделать причёску и макияж — всё как обычно, строго и элегантно. Водитель подъедет к семи часам. Ужин будет проходить в ресторане «Лазурный берег», это очень престижное место, туда приглашены только самые важные партнёры.

Я подошла и посмотрела на платье. Красивое, без сомнения, дорогое, сидело бы идеально, но слишком официальное, слишком строгое для меня. Но спорить не стала — зачем? Это последний раз, когда я выполняю его указания. Потом всё закончится.

— Хорошо, Мария. Спасибо. Я подготовлюсь.

Когда домработница вышла, я медленно переоделась, привела волосы в порядок — сделала простую укладку, без сложных завитков, как любила прежняя Алина, а просто собрала их в низкий пучок, оставив несколько прядей у лица. Макияж сделала лёгкий, незаметный, только подчёркивая черты лица — без ярких теней или помады, которая так нравилась Дмитрию (она всегда красилась так, как он говорил, боясь не угодить). Посмотрела в зеркало: на меня смотрела всё та же Алина, но другая — спокойная, уверенная, без тени тревоги или ожидания.

«Сегодня я просто отработаю своё время, — подумала я, поправляя подол платья. — Улыбнусь, скажу несколько вежливых фраз, сделаю всё, что нужно, и вернусь домой. А он пусть думает что хочет. Мне всё равно».

В семь часов я спустилась вниз. У входа уже ждал водитель, а рядом с ним стоял Дмитрий — в чёрном костюме, безупречно одетый, с холодным, сосредоточенным выражением лица. Он разговаривал по телефону, его голос был спокойным, но твёрдым, и жесты — резкими, уверенными. Я остановилась в нескольких шагах, ожидая, пока он закончит разговор. Он не повернулся, но внезапно замолчал на полуслове, нахмурился, как будто услышал что-то странное, невидимое и непонятное, что проникло к нему несмотря на расстояние и то, что он стоял спиной. Медленно убрал телефон в карман и обернулся, окинув меня быстрым, оценивающим взглядом.

— Платье подходит, — сказал он коротко, без малейшего одобрения. — Веди себя как договорились. Улыбайся, не вмешивайся в разговоры, отвечай только на прямые вопросы. И главное — не говори ничего лишнего. Французы очень чувствительны к этикету, одна ошибка может стоить нам всей сделки.

Раньше она бы сразу закивала, сказала «хорошо, Дмитрий, я всё поняла», и в её глазах загорелась бы тихая радость — он обратил на неё внимание, он объясняет ей, значит, она нужна. А я только кивнула и открыла дверь машины сама, не дожидаясь, пока он подаст руку — раньше она всегда ждала этого, считая это проявлением заботы, хотя он делал это только из вежливости, не больше.

— Я помню, — ответила я и села в салон.

Дмитрий сел рядом, и машина тронулась. Всю дорогу он молчал, глядя в окно, но время от времени его брови незаметно дёрнулись, а взгляд становился напряжённым. Каждый раз, когда я о чём-то задумывалась, он как будто замирал, прислушиваясь к чему-то, что было доступно только ему одному. Между нами лежала такая плотная стена отчуждения, что казалось — её можно потрогать руками. И если раньше эта стена причиняла ей боль, то для меня она была защитой.

Ресторан оказался именно таким, как и ожидалось: роскошный, тихий, с мягким освещением, дорогой мебелью и вышколенными официантами. Нас проводили в отдельный зал, где уже стоял большой стол, украшенный цветами и хрусталём. У стола сидели трое мужчин — все примерно одного возраста с Дмитрием, одетые так же строго, с уверенными, деловыми лицами. Увидев нас, они поднялись.

— Позвольте представить — моя жена, Алина Воронова, — произнёс Дмитрий, и в его голосе не было ни гордости, ни тепла — только формальность. — А это наши партнёры: месье Дюваль, месье Леруа и месье Мартен.

Я улыбнулась — вежливо, ровно, как и требовалось — и кивнула каждому. Они ответили тем же, рассматривая меня с любопытством, но без лишнего внимания. Для них я была просто дополнением к сделке, женой партнёра, как и для Дмитрия.

Мы сели за стол. Разговор сразу перешёл к делам: обсуждали условия контракта, сроки, суммы, детали поставок и распределение прибыли. Дмитрий говорил много, чётко, убедительно.

тельно, его голос был спокойным, но в каждом слове чувствовалась сила и уверенность. Он был в своей стихии — здесь он был главным, здесь его слово было законом, здесь он контролировал всё. И я понимала, почему прежняя Алина так восхищалась им: в эти моменты он действительно выглядел впечатляюще — умный, сильный, успешный, настоящий лидер. Но восхищение и любовь — это одно, а реальность — совсем другое.

Я сидела, слушала, кивала в нужных местах, улыбалась, когда нужно, и всё время думала о своём. Мысленно я уже считала дни до развода, планировала, куда поеду, что буду делать, как устрою свою новую жизнь — без этого холодного дома, без этого высокомерного человека, без необходимости играть роль жены по контракту.

«Как же хорошо, что скоро всё закончится, — промелькнуло у меня в голове, когда Дмитрий наклонился к столу, чтобы взять бокал с водой. — Он даже не представляет, как он скучный. Всё время только дела, контракты, условия. Никаких простых человеческих эмоций, никаких разговоров о чём-то важном. Просто ходячий бизнес-план. И она любила его за это? Или любила образ, который сама придумала?»

Дмитрий вдруг вздрогнул. Его рука с бокалом дрогнула, вода плеснулась на край стола. Он резко повернул голову и посмотрел на меня — глаза широко раскрыты, в них удивление, смешанное с растерянностью. Он снова услышал. Снова этот ясный, звонкий голос, который звучал прямо у него в голове, и снова слова были именно те, что я только что подумала. И снова я сидела совершенно спокойно, глядя на собеседников, не открывая рта, не двигая губами.

Он медленно поставил бокал на место, не отводя от меня взгляда. В голове пронеслось: «Опять? Снова этот голос. Опять но как? Это же невозможно. Вчера я списал на усталость, но сейчас — я же совершенно отдохнул, сосредоточен, не может быть никаких галлюцинаций. И слова они такие точные, такие подходящие к тому, что происходит».

Его удивление начало сменяться раздражением и любопытством — но пока только любопытством исследователя, который наткнулся на непонятное явление, а не интерес к женщине. Он не понимал, что происходит, но чувствовал: что-то в ней изменилось, и это изменение не было простой капризой или попыткой привлечь внимание. Это было что-то другое, совершенно неизвестное ему.

— С вами всё в порядке, Дмитрий? — спросил один из французов, заметив его странное поведение. — Вы выглядите немного взволнованным.

Дмитрий сразу выпрямился, лицо его снова приняло холодное, непроницаемое выражение, как будто и не было никакого удивления.

— Всё отлично, месье Дюваль, — ответил он ровным голосом. — Просто немного устал за день. Продолжим, пожалуйста.

Но он больше не мог сосредоточиться на разговоре. Когда я отодвинулась чуть дальше, чтобы взять салфетку, он заметно расслабился, как будто избавился от назойливого шума. Но стоило мне вернуться на прежнее место, и он снова напрягся, ловя каждый мой внутренний комментарий, каждый невысказанный вопрос. Каждая мысль, которая появлялась у меня в голове, достигала его — независимо от того, сидела ли я прямо перед ним, или он стоял в стороне, повернувшись спиной, или просто находился в одном зале со мной. И каждая из этих

мыслей была для него ударом, открытием, которое разрушало всё, что он знал о своей жене раньше.

Раньше он был уверен: она боится его, восхищается им, хочет быть рядом, считает его самым лучшим, самым умным, самым важным человеком на свете. Она никогда не позволяла себе плохих мыслей о нём, никогда не сомневалась в нём, никогда не сравнивала его с кем-то другим. А теперь теперь он слышал, как я называю его занудой, высокомерным, скучным, как мечтаю о разводе, как считаю наш брак пустой формальностью.

«И как только она могла так долго терпеть всё это? — подумала я в какой-то момент, когда он стоял чуть поодаль, объясняя партнёрам детали поставки и повернувшись ко мне спиной. — Жить с человеком, который не замечает тебя, не любит, не уважает как личность. Каждый день ждать чуда, которое никогда не произойдёт. Это же настоящая пытка. А он даже не понимает, что он был для неё всем, а она для него — ничем».

Дмитрий резко оборвал речь на полуслове. Его плечи напряглись, он медленно обернулся, бросив на меня острый, изучающий взгляд, а потом снова повернулся к собеседникам, но его голос уже потерял прежнюю уверенность. Ему было неприятно слышать это, неприятно осознавать, что кто-то — и особенно его собственная жена — думает о нём так. Он привык, что все вокруг восхищаются им, боятся его, стараются угодить. А она она раньше тоже была такой, а теперь вдруг видит его насквозь, видит все его недостатки, все его холодность и высокомерие, и не боится этого. Более того — она открыто радуется тому, что скоро уйдёт.

«Что с ней случилось? — размышлял он, продолжая говорить о делах, но мыслями полностью находясь рядом со мной. — Почему она изменилась так резко? Вчера ещё была тихая, покорная, боялась слова сказать поперёк, а сегодня уже говорит о разводе, смотрит прямо в глаза И этот странный звук в голове — только когда она рядом. Как это связано?»

Он старался не показывать своего состояния, но напряжение между нами росло с каждой минутой. Французы, кажется, ничего не замечали — они были полностью поглощены разговором о сделке. А я сидела спокойно, не догадываясь, что каждое моё размышление становится для него источником недоумения и вопросов. Для меня он всё ещё был только человеком, с которым я связана контрактом, и скоро эта связь закончится.

Ужин закончился поздно. Когда мы вышли из ресторана, было уже темно, на улице горели фонари, дул лёгкий ветерок. Дмитрий открыл дверь машины, я села, он сел рядом, и мы снова поехали в полной тишине. Но теперь это молчание было другим — не пустым, отчуждённым, а наполненным невысказанными вопросами, подозрениями и недоумением.

Когда мы подъехали к дому, он вышел первым, подал мне руку — и я взяла её, только чтобы не нарушать правила, но сразу отпустила, как только ступила на землю. Мы поднялись по лестнице, подошли к дверям наших крылов. Обычно здесь мы прощались молча, каждый шёл в свою сторону, и больше не виделись до утра. Но сегодня он остановился. Остановился и посмотрел на меня — долго, внимательно, пытаюсь найти в моём лице ответы на все свои вопросы.

— Ты очень изменилась за последнее время, Алина, — сказал он наконец, и в его голосе не было злости, не было интереса — только холодное, исследовательское удивление. — Раньше

ты была совсем другой. Тихой, мягкой всегда старалась угодить. А теперь — как будто подменили. Это всё из-за развода? Или есть что-то ещё?

Я посмотрела на него спокойно, без тени смущения или страха.

— Люди меняются, Дмитрий. Иногда достаточно просто понять, что что-то не так, чтобы всё встало на свои места. Я просто поняла, что наш брак — это договор, и ничего больше. И теперь я хочу только закончить его по правилам. Всё просто.

Он нахмурился. Ответ не удовлетворил его, но и не дал ничего, за что можно было бы зацепиться. Он чувствовал — я что-то скрываю, что-то изменилось глубже, чем просто понимание сути контракта. Но что?

— Хорошо, — сказал он наконец, отводя глаза. — Как знаешь. Осталось двадцать шесть дней. Я буду ждать, когда ты уйдёшь. Как и ты ждёшь.

Он повернулся и пошёл в свою сторону, а я стояла и смотрела ему вслед. «Иди, иди. И не думай, что мне есть дело до твоих вопросов. Скоро ты забудешь о моём существовании, как только я выйду за ворота этого дома. А я забуду о тебе ещё раньше», — подумала я, глядя ему в спину.

Дмитрий замедлил шаг, не останавливаясь, не оборачиваясь. Он снова уловил этот внутренний голос, даже когда расстояние между нами стало больше, но пока она оставалась в поле его зрения — звук был ясным и отчётливым. Как только я скрылась за дверью своей комнаты, всё сразу стихло, как будто отрезали провод. Он вошёл в свою комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. В голове было полно мыслей — о сделке, о французских партнёрах, о работе, но больше всего — о ней. О его жене, которая вдруг стала совершенно чужой, непонятной, и которая с нетерпением ждёт, когда сможет уйти.

«Что с тобой случилось, Алина? — думал он, снимая пиджак и бросая его на стул. — Почему ты изменилась? И что это за странный голос, который появляется только когда ты рядом? Это всё связано? Или я действительно начинаю сходить с ума?»

Он не знал ответов. Он только знал одно: раньше он не замечал её, не думал о ней, она была для него пустым местом. А теперь теперь она стала загадкой, которую он не понимал, и это раздражало его больше всего на свете.

А я вошла в свою комнату, закрыла дверь, с облегчением сняла платье и подошла к окну. Внизу был сад, тёмный, тихий, освещённый только луной. Я подумала, что день прошёл хорошо, всё получилось, как я хотела. Осталось двадцать шесть дней. Двадцать шесть дней — и я свободна.

«Спокойной ночи, Дмитрий, — подумала я с лёгкой улыбкой. — Спи спокойно. Завтра ты снова будешь удивляться. А я буду просто ждать конца».

Глава 3. Неожиданные пересечения.

Утро началось как обычно — с тихих шагов Марии за дверь и аромата свежесваренного кофе, который она принесла ровно в восемь часов. Я проснулась с ясной головой и первым делом подсчитала дни: двадцать шесть. Ровно двадцать шесть дней до того момента, как я смогу навсегда покинуть этот дом, этот город и эту жизнь, которая никогда не была моей.

За окном светило яркое солнце, небо было чистое, без единого облачка — идеальный день для того, чтобы просто сидеть у окна, листать книги и не думать ни о чём. Настоящая Алина в такие дни всегда старалась попасться Дмитрию на глаза: выходила в сад, когда он обычно ходил туда с документами, или сидела в гостиной, надеясь, что он пройдёт мимо. Она считала, что любое внимание — даже холодное, даже формальное — лучше, чем полное забвение. А я знала: любое взаимодействие с ним — это только лишние усилия, которые не принесут ничего, кроме раздражения. Я здесь только по контракту, и моя единственная цель — дождаться срока и уйти.

— Завтрак накрыт в малой столовой, — сообщила Мария, ставя поднос на столик у кровати. — Господин Воронов уже спустился. Он сказал, что сегодня будет работать дома, поэтому просил без необходимости не появляться в его кабинете и не шуметь.

Я кивнула, поблагодарила её и, когда она вышла, медленно привела себя в порядок. Одевалась просто — в светлое платье из хлопка, без лишних украшений, волосы заплела в простую косу. Макияж почти не делала: зачем? Для себя я выгляжу хорошо, а для него — я могу вообще не краситься, он всё равно не заметит разницы. Или заметит, но только чтобы указать, что я сделала не так, как он привык.

«Работает дома, — подумала я, спускаясь по лестнице. — Отлично. Значит, я вообще не буду выходить из своей части дома. Пусть занимается своими делами, а я буду заниматься своими. Нам незачем встречаться».

Но планы на день рухнули сразу, как только я открыла дверь столовой. Дмитрий уже сидел за столом — перед ним стояла чашка кофе, лежали раскрытые документы и планшет. Он был полностью погружён в чтение, брови слегка нахмурены, пальцы постукивали по краю стола в ровном, быстром ритме. Он не поднял головы, когда я вошла, не сказал ни слова — как будто меня здесь вообще не было.

Я села на противоположном конце стола, взяла тост и налила себе чай. Молчание затягивалось — плотное, тяжёлое, привычное для этого дома. Раньше хозяйка этого тела бы уже попыталась что-то сказать, спросить, как он спал, не нужно ли ему что-то — только бы нарушить эту тишину, только бы услышать его голос, обращённый к ней. А я молчала. Ела, пила чай и размышляла о своём: о том, что после развода первым делом куплю себе маленький домик у моря, где будет тихо, светло и никто не будет смотреть на меня как на приложение к контракту.

«Интересно, — промелькнуло в голове, — а он вообще когда-нибудь отдыхает? Всё время только работа, работа, работа. Даже за завтраком не может оторваться от бумаг. Как же это скучно — жить только для дел, не замечая ничего вокруг. И ведь уверен, что так и должно быть, что это правильная жизнь. Просто не понимает, сколько всего теряет».

Дмитрий внезапно остановил постукивание пальцев. Его рука, которая держала ручку, замерла на полуслове. Он медленно оторвал взгляд от документов и посмотрел на меня — взгляд прямой, внимательный, в котором снова мелькнуло то самое недоумение, которое я заметила вчера. Он не говорил ничего, просто смотрел, а я продолжала есть, делая вид, что не замечаю его взгляда. Для меня это было обычным — он всегда был немного странным, слишком сосредоточенным на себе.

«И что он так смотрит? — подумала я, отпивая чай. — Как будто видит меня в первый раз. Или как будто пытается найти что-то, чего здесь нет. Всё та же жена по контракту, которая была и раньше. Только теперь я не боюсь тебя и не жду твоей похвалы. Вот и всё изменение».

Он сжал ручку сильнее, нахмурился ещё больше и резко отвернулся, снова уткнувшись в бумаги. Но я заметила, что он больше не читает. Его глаза скользили по строчкам, но взгляд был пустым, рассеянным — он явно не понимал, что написано на листах. Всё его внимание было направлено на меня, на то, что я думаю, на то, что чувствую.

«Что с ней происходит? — размышлял он, прокручивая в голове каждое моё невысказанное слово. — Раньше она считала, что я живу правильно, что я образец для подражания. Восхищалась моей работой, моей целеустремлённостью. А теперь называет это скукой, говорит, что я ничего не замечаю вокруг. И жалеет меня! Её, которая была готова на всё, только бы остаться рядом, а теперь смотрит на меня как на человека, который живёт неправильно. И почему я всё это слышу? Почему только когда она рядом?»

Он отложил ручку, отодвинул документы и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди.

— Ты сегодня никуда не собираешься? — спросил он неожиданно, и его голос прозвучал так, как будто он спрашивает просто так, без особого интереса. Но в его взгляде было что-то большее — внимание, которое раньше никогда не было направлено на меня.

Я подняла на него спокойный взгляд.

— Нет. Я останусь дома. А зачем?

Он пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушным.

— Просто спросил. Обычно ты — он замолчал, подбирая слова. — Обычно ты старалась чем-то заняться, выйти куда-то. А теперь всё время в комнате или в саду.

«Обычно Алина бегала за тобой как хвостик, лишь бы ты заметил, — подумала я, но вслух сказала совсем другое: — Я просто нашла, чем себя занять. Мне хорошо и здесь».

Дмитрий резко выпрямился. Его глаза сузились, он снова посмотрел на меня в упор. Каждая моя мысль, каждое внутреннее замечание достигало его — и это сбивало его с толку, заставляло переосмысливать всё, что он знал раньше. Раньше он был уверен в её чувствах, в её поведении, а теперь всё перевернулось вверх дном.

— Хорошо, — сказал он холодно, но в голосе не было прежней уверенности. — Делай как знаешь.

Он резко встал из-за стола, стул громко скрипнул по полу, и быстро вышел из столовой, хлопнув дверью. Я осталась одна, допила чай и подумала: «Странный он сегодня. Ещё более странный, чем обычно. Ну и ладно. Меньше будет встреч — меньше проблем».

За дверью Дмитрий остановился, прислонился к стене и перевёл дыхание. Как только он вышел из комнаты, всё внутри него стихло — больше не было тихого, ясного голоса, который звучал только тогда, когда она была рядом. Ни одного слова, ни одного намёка на то, что она думает. И это было так же странно, как и то, что он слышал всё, когда находился с ней в одном пространстве.

«Это не галлюцинации, — понял он окончательно. — Это реальность. И это происходит только с ней. Что же с тобой случилось, Алина?»

Он вернулся в свой кабинет, запер дверь и сел за стол, но работать не мог. Все его мысли были только обо мне. О том, как я изменилась, о том, что я думаю о нём, о том, что я с нетерпением жду, когда уйду. И чем больше он размышлял, тем больше в нём росло не только удивление и раздражение, но и настоящее, живой интерес. Интерес к тому, что скрывается за этой спокойной, уверенной внешностью.

А я тем временем пошла в сад. День был тёплый, солнечный, в воздухе пахло цветами и влажной землёй после полива. Я шла по аллее, наслаждаясь тишиной и покоем, и планировала, как проведу этот день: почитаю книгу, погуляю, может быть, напишу список вещей, которые возьму с собой после развода.

«Всё будет хорошо, — думала я, проходя мимо большого фонтана в центре сада. — Осталось немного. Скоро всё закончится».

И в этот момент я услышала шаги. Быстрые, уверенные — я узнала бы их из тысячи. Дмитрий шёл по той же аллее, навстречу мне. Он был в том же костюме, что и за завтраком, в руках держал папку с документами, но явно не спешил. Он заметил меня издалека, но не свернул, не пошёл другой дорогой — как сделал бы раньше. Он шёл прямо ко мне, и в его взгляде было что-то новое — не только холод и отчуждение, но и внимательное изучение, которое я не могла объяснить.

Я остановилась, решив пропустить его. Он подошёл ближе, остановился в нескольких шагах. Я стояла перед ним, размышляя о своём — о том, как быстро летит время, как хорошо будет уехать отсюда, как не хочется больше встретиться с ним без необходимости.

«И что он здесь делает? — пронеслось в голове. — Обычно он не ходит по саду в это время. И почему смотрит так, как будто хочет что-то спросить? Или проверить? Как же он меня утомляет со своими загадками и странным поведением».

Дмитрий чуть не выронил папку. Он стоял передо мной, и каждое моё слово, каждый оттенок недовольства, который я даже не пыталась скрывать, был для него как удар. Раньше настоящая Алина бы опустила глаза, смутилась, отошла в сторону и думала бы только о том, какой он красивый и сильный. А я — только раздражение и усталость.

— Ты часто гуляешь здесь, — сказал он, и это был не вопрос, а утверждение. Он не отводил взгляда, изучал моё лицо, мои глаза, каждый жест. — Раньше ты сидела у окна и ждала, когда я пройду. А теперь гуляешь, как будто это твой сад, как будто тебя ничего не волнует.

Я посмотрела на него спокойно, без тени смущения.

— Это и мой сад, Дмитрий. По контракту я имею право пользоваться всем, что здесь есть. А ждать я уже выучила, что ждать бесполезно. Ты никогда не приходишь, если тебя не зовут. И никогда не замечаешь, если не нужно.

«И я больше не хочу быть тенью, которая ждёт внимания, — добавила я мысленно. — Я просто хочу дождаться своего срока и уйти».

Он сделал шаг вперёд. Близко, слишком близко — так близко, что я могла чувствовать запах его одеколona, видеть мелкие морщинки вокруг глаз, которые появлялись, когда он был сосредоточен.

— Ты изменила всё, — сказал он тихо, и в его голосе не было злости, не было упрёка — только удивление и что-то похожее на любопытство. — Все свои привычки, все свои слова. Как будто стала совершенно другим человеком. И я не могу понять — почему? Что произошло за один день?

«Если бы ты знал — подумала я, глядя ему прямо в глаза. Но ты никогда не согласишься в такое. И не нужно. Скоро я уйду, и ты забудешь всё, что было».

— Люди меняются, Дмитрий, — ответила я ровно. — Иногда достаточно одного момента, чтобы всё понять. И измениться.

Он покачал головой, как будто не поверил, но и не нашёл, что возразить. Он чувствовал — я скрываю что-то важное, что-то, что объяснило бы всё. Но он не мог спросить прямо, не мог признаться, что знает все мои мысли. Это было слишком странно, слишком невероятно — даже для него, человека, который привык контролировать всё и всегда.

— Хорошо, — сказал он наконец, отступая на шаг. — Гуляй. Делай что хочешь. Твоё время.

Он прошёл мимо меня, но не сразу ушёл. Он дошёл до конца аллеи, потом остановился, повернулся и посмотрел мне вслед. Я шла дальше, не оборачиваясь, и думала о своём — о свободе, о море, о новой жизни. А он стоял и слушал каждый мой шаг, каждое размышление, пока я не скрылась за поворотом и всё внутри него не стихло.

«Она — загадка, — думал он, возвращаясь в кабинет. — И эта загадка начинает занимать меня больше, чем любые сделки, любые контракты. Что с тобой случилось, Алина? И почему я не могу перестать думать об этом?»

Весь остаток дня мы почти не встречались. Я провела время в саду, потом в своей комнате, читая и отдыхая. Дмитрий был в кабинете, но я чувствовала — он не работает. Я чувствовала, что он думает обо мне, размышляет, пытается разобраться в том, что происходит.

Но я не придавала этому значения. Для меня это были просто странности человека, с которым я скоро расстанусь навсегда.

А вечером, когда я уже собиралась ложиться спать, в дверь постучали. Я открыла — на пороге стояла Мария, в руках у неё был большой конверт.

— Господин Воронов просил передать это вам, — сказала она, протягивая конверт. — Он сказал, что там документы, касающиеся развода. Просил ознакомиться и, если есть вопросы, зайти к нему завтра утром.

Я взяла конверт, сердце забилося быстрее. Документы о разводе. Значит, всё действительно идёт к концу. Осталось только подписать, и я свободна.

— Спасибо, Мария. Я посмотрю.

Когда она ушла, я открыла конверт и достала бумаги. Всё было точно так, как мы договаривались: сроки, условия, суммы, которые он обещал выплатить мне после развода. Всё честно, всё по контракту. Никаких подводных камней, никаких сюрпризов.

«Ну вот и всё, — подумала я, глядя на подписи и печати. — Осталось только двадцать пять дней, и я смогу поставить свою подпись. И всё закончится».

Я не знала, что в это же время в своём кабинете Дмитрий сидел над такими же документами, но не мог сосредоточиться на них. Он думал не о разводе, не о деньгах, не о контрактах. Он думал обо мне. О том, что произойдёт, когда я уйду. О том, что тогда он больше никогда не услышит эти странные, ясные мысли, которые стали для него и раздражением, и загадкой, и чем-то ещё, что он ещё не мог назвать.

«Она уйдёт, — думал он, глядя в окно на тёмный сад. — И я снова останусь один. Как и всегда. Но почему мне кажется, что это будет не так, как раньше? Почему кажется, что я потеряю что-то важное? Что-то, чего никогда не имел, но уже не хочу терять».

Я мечтала о свободе, а он только начинал понимать, что самое важное в его жизни всегда было рядом, а он просто не замечал этого. Или не хотел замечать.

Осталось двадцать пять дней. Двадцать пять дней до развода, который должен был всё закончить.

Глава 4. Неожиданные гости.

Прошло три дня.

Время шло размеренно, без резких событий, но между нами уже образовалась невидимая, напряжённая связь, которую я не понимала, а Дмитрий — не решался объяснить даже самому себе. Я по-прежнему держалась в стороне, старалась как можно реже попадаться ему на глаза, проводя дни за книгами или в дальнем уголке сада, где меня почти не было видно. Он же, наоборот, словно бессознательно искал встреч: его шаги всё чаще раздавались на тех аллеях, где я гуляла, он стал появляться в столовой в то же время, что и я, а его взгляд, внимательный, изучающий, теперь почти всегда следил за мной — когда я говорила, когда молчала, когда о чём-то задумывалась.

Для меня это было всего лишь очередной странностью его характера. «Наверное, проверяет, не передумаю ли я насчёт развода, — думала я, глядя, как он сидит напротив за обедом и делает вид, что читает новости в телефоне, хотя явно не видит строк. — Боится, что я начну требовать больше или откажусь выполнять условия. Ну и пусть боится. Мне от него ничего не нужно, кроме того, что прописано в договоре».

Каждая эта мысль достигала его — ясная, чёткая, без тени страха или прежней привязанности. И каждый раз он вздрагивал, крепче сжимал телефон или отводил глаза, пряча растерянность. Он всё ещё не мог привыкнуть к этому — к тому, что знает всё, что у меня на уме, но не может ни спросить прямо, ни показать, насколько сильно это всё его задело и изменило.

Утро четвёртого дня началось с суеты в доме — непривычной, громкой, нарушающей привычную тишину. По коридорам сновали слуги, слышались голоса, звуки передвигаемой мебели. Я вышла из своей комнаты, чтобы узнать, в чём дело, и почти столкнулась с Марией, которая несла стопку свежего постельного белья.

— Что происходит? — спросила я, отступая в сторону.

Мария остановилась, поправляя простыню на руках, и в её глазах мелькнуло удивление, смешанное с волнением.

— К нам едут гости, госпожа. Очень важные. Родной брат господина Воронова с семьёй. Они живут за границей, давно не были здесь, а теперь решили приехать на несколько дней. Господин Дмитрий ещё вчера распорядился подготовить гостевое крыло.

Брат? Я и не знала, что у него есть родные. Оригинальная Алина тоже почти ничего не знала об этом в своих воспоминаниях — Дмитрий никогда не говорил о семье, не упоминал родственников, как будто их и не существовало. Для меня это было ещё одним подтверждением, насколько закрытым и отгороженным от всего мира он был.

— Понятно, — кивнула я. — И надолго они?

— Говорят, на неделю. Может, чуть больше.

«Неделя, — подумала я, идя дальше по коридору. — Отлично. Значит, всё это время дом будет полон людей, и мы с ним точно не останемся наедине. Меньше внимания ко мне, меньше этих странных взглядов, которые меня так смущают. Это даже к лучшему».

Я не заметила, что в конце коридора стоял Дмитрий. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и когда я проходила мимо, его взгляд мгновенно стал острее, а в глазах промелькнуло что-то похожее на разочарование. Он услышал каждое моё слово — и то, что я считаю их приезд удачей, и то, что радуюсь возможности не видеть его. Это задело его, задевало всё чаще и сильнее, хотя он сам не понимал почему. Раньше он только и мечтал, чтобы я не попадалась ему на глаза, а теперь теперь ему вдруг стало не хватать этих наших случайных встреч, этих молчаливых обедов, где он мог слушать мои мысли — единственные вещи, которые теперь казались ему настоящими в этом доме.

— Они приедут к обеду, — сказал он неожиданно, когда я уже почти прошла мимо. Голос был спокойный, но я уловила в нём едва заметное напряжение. — Мой брат, его жена и дочь. Тебе придётся быть на месте. Встретить их, вести себя как подобает. Это важно для репутации семьи.

Я остановилась и посмотрела на него.

— Разумеется. Я знаю правила. Всё будет как нужно.

«Как всегда, только дело, только репутация, только то, что важно для него, — пронеслось в голове. — Никогда ничего личного. Интересно, а брат у него такой же? Холодный, расчётливый, считающий людей приложением к своим планам? Наверное, да. Иначе они бы не были родственниками».

Дмитрий дёрнул щекой, но ничего не сказал. Он только смотрел на меня, а потом кивнул и ушёл в свой кабинет — быстрым шагом, как будто спасаясь от самого себя.

К обеду дом был полностью готов. Всё сверкало чистотой, в воздухе стоял аромат дорогих цветов, а слуги выстроились у входа. Я оделась в то самое синее платье, которое он выбрал для ужина с партнёрами — строгое, элегантное, без лишних деталей, волосы уложила в аккуратную причёску, макияж сделала лёгкий, незаметный. Я должна была выглядеть идеальной женой — по контракту, по правилам, по его желанию.

Когда у входа раздались звуки подъезжающих машин, Дмитрий вышел ко мне. Он был в тёмном костюме, идеально подогнанном, выглядел собранным, серьёзным, но в его глазах мелькало что-то похожее на беспокойство — то, чего я никогда раньше не видела.

— Просто будь вежливой, — сказал он тихо, стоя рядом, пока двери открывались. — Николай — мой старший брат. Он очень настойчивый. И любит задавать вопросы. Не говори ничего лишнего. И не упоминай о разводе. Никто не должен знать об этом. Пока.

«Пока, — подумала я, улыбаясь уже появившимся гостям. — Пока не истечёт срок, и я не уйду. Тогда можно будет и рассказать. Но мне всё равно».

Он стоял так близко, что я чувствовала тепло его руки, которая почти коснулась моей талии, когда мы делали шаг навстречу. И он снова услышал всё — и это спокойное «всё равно»,

и мысль о скором уходе. Его пальцы сжались в кулак, но он сохранил на лице идеально вежливую улыбку.

Из машины вышел высокий мужчина, чуть старше Дмитрия, с такими же тёмными волосами и карими глазами, но черты лица были мягче, а взгляд — живее, внимательнее. Рядом с ним — красивая женщина с тёплыми карими глазами и мягкой улыбкой, а чуть позади — молодая девушка лет восемнадцати, с любопытным, открытым взглядом и длинными светлыми волосами.

— Николай! — Дмитрий протянул руку, и мужчины крепко пожали друг другу ладони.

— Дмитрий, как же давно мы не виделись! — воскликнул старший брат, хлопая его по плечу. — Вырос, возмужал, стал ещё серьёзнее, чем был. А это, должно быть, твоя жена Алина? Наконец-то мы познакомимся.

Он повернулся ко мне, и я увидела, как его взгляд мгновенно стал острым, изучающим — точно так же, как у Дмитрия, но в нём не было холода, только живой интерес.

— Да, это Алина, — коротко сказал Дмитрий, и я заметила, как он чуть подвинулся вперёд, словно невольно стараясь прикрыть меня или быть ближе. — А это — мой брат Николай, его жена Елена и их дочь Анна.

Мы обменялись приветствиями. Елена сразу взяла меня под руку, её ладонь была тёплой и мягкой, а голос — добрым и открытым.

— Как же я рада наконец-то увидеть тебя! — сказала она, идя рядом со мной в дом. — Дмитрий так редко рассказывает о тебе, мы почти ничего не знали. А ты такая милая, такая спокойная.

«Потому что он вообще никогда не говорит обо мне, — подумала я, улыбаясь ей в ответ. — Для него меня как будто не существует, кроме как на официальных мероприятиях. Но тебе я этого не скажу».

Дмитрий шёл позади, рядом с братом, и я чувствовала — он слышит каждое моё слово, каждый оттенок мыслей. И я заметила, как его шаг замедлился, как он нахмурился, услышав это.

Обед прошёл оживлённо — впервые за всё время, что я жила в этом доме. Николай говорил много, громко, с шутками и смехом, расспрашивал о делах, о городе, о планах. Елена рассказывала о своей жизни за границей, о путешествиях, о работе в благотворительном фонде. А Анна — девушка, которая сразу показалась мне очень живой и открытой — почти не отрывала от меня глаз, а потом вдруг спросила, когда взрослые отвлеклись на разговор:

— А вы правда всегда были такой? Мне дядя Дмитрий рассказывал, что вы очень тихая, скромная, всегда стараетесь угодить. А вы выглядите совсем иначе. Как будто знаете что-то, чего не знаем мы.

Я слегка удивилась.

— Разве? Я просто такая, какая есть. А дядя Дмитрий, наверное, преувеличил.

«Он описывал тебе не меня, а ту, прежнюю Алину, — подумала я, глядя на девушку. — А я — совсем другая. И он до сих пор не может понять, что произошло».

В этот момент раздался резкий звук — Дмитрий нечаянно задел локтем бокал, и вино пролилось на скатерть. Все повернулись к нему. Он сидел бледный, его глаза были широко раскрыты, а взгляд прикован ко мне. Он услышал всё — и её слова, и мой ответ.

— Всё в порядке? — спросил Николай, поднимая бровь. — Ты сегодня какой-то рассеянный, брат. Не заболел ли?

Дмитрий медленно отёр салфеткой край стола и выпрямился, возвращая себе привычную холодность.

— Всё хорошо. Просто устал. Много работы.

Но я видела — его руки слегка дрожали. И я не понимала, почему.

После обеда мужчины ушли в кабинет Дмитрия — обсуждать дела, семейные вопросы, как сказал Николай. Елена пошла отдохнуть в свою комнату, а Анна увязалась за мной, когда я пошла в сад.

— Можно я с тобой? — спросила она, и я не смогла отказать — в ней было что-то очень светлое, искреннее, что располагало к себе. — Мне так скучно с этими взрослыми разговорами. А с тобой интересно. Ты всегда молчишь, но привлекаешь внимание.

Мы шли по аллее, и она вдруг сказала, понизив голос:

— Знаешь, я никогда не видела дядю Дмитрия таким. Обычно он всегда серьёзный, холодный, ни на кого не смотрит дольше минуты. А сегодня он всё время смотрит на тебя. Следит за каждым твоим движением. И когда ты о чём-то задумываешься, он как будто ждёт — что ты скажешь, что сделаешь. Как будто ты для него — самая важная вещь в этом доме.

Я остановилась и посмотрела на неё с удивлением.

— Тебе кажется. Он всегда такой. Холодный, отстранённый.

«Я для него — просто жена по договору. Не больше. И скоро я вообще перестану быть кем-либо для него, — добавила я мысленно. — Осталось двадцать два дня. И всё закончится».

Анна покачала головой, не поверив.

— Ты не понимаешь. Я же вижу. У него глаза меняются, когда он смотрит на тебя. Раньше они были пустые, а теперь в них есть что-то. Что-то, чего я никогда не видела. И я думаю — ты изменила его. Сама не зная как.

Я не ответила, но эти слова запали мне в голову. «Глупости, — думала я, глядя на цветы. — Никто не может изменить Дмитрия Воронова. Он сделан из камня. И я здесь слишком мало, чтобы что-то изменить. Скоро я уйду, и всё будет как прежде».

Вечером, когда гости разошлись по комнатам, а я возвращалась к себе, из кабинета вышел Дмитрий. Он стоял в полумраке коридора, ждал меня. Как только я подошла ближе, он шагнул навстречу — быстро, решительно, как будто боялся, что я уйду.

— Что ты сказала Анне? — спросил он тихо, без предисловий. В его голосе не было злости, только напряжение. — О договоре, о том, что ты для меня — только условие.

Я удивлённо посмотрела на него.

— Ничего. Я не говорила ей ничего такого. Твоя племянница просто фантазирует. Она думает, что ты изменился из-за меня.

«А на самом деле ты просто странно себя ведёшь в последнее время, — подумала я, глядя ему в глаза. — Смотришь, молчишь, реагируешь на всё так, как будто знаешь, что я скажу раньше, чем я открою рот. Но я же не могу сказать тебе об этом. Потому что и сама не понимаю, что происходит».

Дмитрий стоял так близко, что я чувствовала его дыхание. Он слушал, впитывал каждое слово, каждый мой вопрос, каждое недоумение. И в этот момент он понял — он не может больше так. Не может слушать, знать, но молчать. Не может делать вид, что всё как прежде. Что-то сломалось, изменилось, и он уже не мог вернуться к тому, что было раньше.

— Она не фантазирует, — сказал он очень тихо, почти шёпотом. — Она видит то, что есть. И то, что я сам только начинаю понимать.

Он замолчал, словно боясь сказать больше, потом резко отступил назад, как будто испугавшись собственных слов.

— Иди спать, Алина. Завтра будет трудный день.

Я пошла дальше, а он остался стоять в коридоре, глядя мне вслед. И пока я не скрылась за дверью, он слушал — каждый мой шаг, каждую мысль, каждое слово. А когда всё стихло, он прислонился к стене и закрыл глаза.

«Двадцать два дня, — повторял он про себя. — Двадцать два дня до того, как она уйдёт. А я уже не представляю, как буду жить без этих её мыслей, без её спокойствия, без неё. Что же ты сделала со мной, Алина? И почему только сейчас я понял, что всегда искал именно такое — настоящее, искреннее, то, что не купишь ни за какие деньги?»

А в это время в своём крыле, в комнате для гостей, Николай стоял у окна и смотрел на тёмный сад. Он знал своего брата слишком хорошо. Он видел эти взгляды, это напряжение, эту перемену, которая произошла с Дмитрием. И он знал — дело не в работе, не в усталости. Дело в ней. В этой тихой, спокойной женщине, которая притворялась обычной, но в которой скрывалось что-то огромное, сильное, способное перевернуть весь мир его брата.

«Что же ты за человек, Алина? — думал он, улыбаясь в темноте. — И что ты сделала с моим холодным, неприступным братом? Похоже, этот приезд будет гораздо интереснее, чем я думал».

Глава 5. Воспоминания.

Следующие дни прошли в размеренной, немного суетливой атмосфере, которая стала для меня новой и непривычной. Дом больше не был тихим и замкнутым — в нём постоянно звучали голоса, смех, разговоры, и это только радовало меня. Я выполняла всё, что требовалось: встречала гостей, поддерживала беседы, следовала правилам этикета, но держалась в рамках, не стремясь привлечь к себе лишнего внимания. Для всех присутствующих я была просто женой Дмитрия — спокойной, вежливой, сдержанной, какой и должна была быть. Никто не подозревал, что за этим спокойствием скрывается только одно желание — дождаться окончания срока и уйти. Дмитрий тоже держал себя в руках: был внимательным хозяином, сдержанным, как всегда, но я замечала, как он иногда замолкал посреди разговора, как его взгляд сам собой находил меня в комнате, а потом он быстро отводил глаза, как будто ловил себя на чём-то неправильном. Он по-прежнему слышал каждую мою мысль, пока я была рядом, но больше не показывал, что это как-то влияет на него — только иногда его пальцы крепче сжимали край бокала или ручку, когда я думала о разводе или о том, как скоро всё закончится.

Николай и Елена вели себя очень естественно, без лишней официальности, и постепенно я начала чувствовать себя с ними свободнее. Они ни о чём не догадывались — для них наш брак был обычным, заключённым по взаимному согласию, крепким и надёжным, как и всё, что делал Дмитрий. Они никогда не задавали вопросов о том, как мы познакомились, почему живём в разных частях дома или почему между нами так мало нежности — видимо, считали, что это просто особенности его характера, его привычка держать всё под контролем и не выставлять личную жизнь напоказ.

Однажды после завтрака Елена предложила мне прогуляться по саду. День был тёплым, солнечным, воздух наполнен ароматом цветов, и я с радостью согласилась. Мы шли по широкой аллее, она рассказывала о своей работе в благотворительном фонде, о поездках, о том, как давно они хотели приехать и увидеть наш дом.

— Знаешь, — сказала она вдруг, когда мы остановились у фонтана, — я всегда переживала за Дмитрия. Он с самого детства был таким — замкнутым, серьёзным, слишком взрослым для своих лет. Всегда всё делал правильно, всегда контролировал себя и всё вокруг. Никогда не позволял себе слабостей, никогда не делал ничего просто так, без пользы или цели. Мы иногда даже боялись, что он никогда не сможет быть по-настоящему счастливым — потому что слишком много думает о правилах, о долге, о том, как всё должно быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.